

МОСКОВСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ
2010 ГОД
Дистанционный тур
10 класс

Прочитай рассказ и дай его истолкование, аргументировано и полно отвечая на вопросы:

1. Можно ли свести *смысл* рассказа к драме несчастной любви?
2. Какими *чувствами* рассказчика окрашено повествование в начале рассказа и — в финале?
3. В чем особенность *художественных средств*, избранных автором для изображения *внутренней жизни героя*?
4. Как *образная система* рассказа отражает его *конфликт*?
5. Отметь *сюжетно-композиционные детали*, важные для понимания авторской позиции писателя, поясни их роль.
6. Мотивы жизни, смерти, любви относятся к числу древнейших. В чем *своеобразие их интерпретации* Фазилем Искандером?
7. Дай свое истолкование *заглавию* рассказа и *прокомментируй* выбор писателя: рассказ помещен им в сборник под названием «Козы и Шекспир».

Фазиль Абдулович Искандер (р. 1929)

Дом в переулке

Это был старый-старый дом, со старым, заглухшим садом. Здесь жил когда-то замечательный хирург, но он почему-то спился и умер.

...К телефону обычно подходила бабушка.

— Сейчас, — говорила она и, шаркая шлепанцами, удалялась из комнаты. — Аля, тебя, — слышал он далекое.

Он вслушивался в трубку, волнуясь и стараясь уловить что-то такое, что могли бы скрывать от него. Но ничего не было слышно, только иногда бой часов в комнате ее отца. Он сам удивлялся тому, что вслушивается в эту пустоту и пытается услышать что-то такое, чего на самом деле нет. И все-таки каждый раз он напряженно вслушивался.

Потом хлопанье дверей, визг собаки и звук быстрых шагов. Первой к трубке всегда подбегала собака, она радостно и торопливо лаяла, как будто старалась до ее прихода рассказать ему что-то на мужском собачьем языке.

Потом трубку хватала она, и они разговаривали под отрывистую, как марш, музыку собачьей радости. Он слышал, как девушка отгоняет собаку, но та снова и снова врывается в разговор. Иногда ему казалось, что собака кое в чем противоречит своей хозяйке, уточняет ее слова и даже поправляет ее, но та, смеясь, отгоняла собаку, и все было хорошо. По вечерам они целовались в саду, мечтали и говорили о будущем. Собака уходила в заросли бамбука, долго вынюхивала там какие-то следы, а потом неожиданно прибежала, как бы спохватившись, что надолго оставила их вдвоем. Они, смеясь, успевали разомкнуть объятия, но по умной, лукавой морде собаки было видно, что она кое о чем догадывается.

Дом, заросший виноградом и сиренью, уютно белел сквозь навес молодой листвы. Собственно говоря, он давно нуждался в ремонте, но об этом никто не думал. Бедность была гордой и рассеянной. Она не утруждала, а может быть, даже стыдилась поддерживать себя подпорками. Во всяком случае, ему так казалось. Они жили на маленькую пенсию. Кроме

того, у матери был небольшой заработок. Она вечно сидела с шитьем, но считалось, что это не работа, а так, развлечение.

Дом напоминал старинную усадьбу, соединенную с нашими днями только телефонным шнуром, потому что здесь когда-то жил замечательный хирург.

...Проголодавшись за ночь, они рвали холодный ночной виноград, а если она на цыпочках выносила из кухни хлеб, не было ужина прекрасней. Хлеб и виноград — древний ужин влюбленных.

Собака тоже ела виноград, смешно клацая зубами. Собаку звали Волк. Это была здоровенная овчарка, может быть, не чистых кровей, но с чистой и, на удивление, доброй душой. Может быть, она решила, что настоящая сила несовместима со злостью, и лаяла только в знак радости или приветствия. Иногда ее ругали за ее ленивое добродушие, за то, что она всех без разбору впускает в дом. Порой ее пытались натравить на бродячих кошек, которые неизвестно откуда появлялись в саду. В таких случаях собака пыталась извлечь из горла несколько воинственных звуков, но, то ли она забыла, как это делается, то ли никогда не знала, получалось до того фальшиво, что все начинали смеяться, и она стыдливой рысцой убегала в конуру.

Девушка бледнела от ночной прохлады, и, когда они выходили из сада, раздвигая мокрые синеватые листья, она вздрагивала и тесней прижималась к нему. А ему казалось, что в мире нет такого холода, от которого он не смог бы спасти свою девушку.

Он уходил домой и долго слышал парной детский запах ее губ. Он не мог уснуть. Комната покачивалась. Из полумрака летней ночи появлялись то ее лицо, бледное и ожидающее, то большая мудрая голова собаки.

Раньше, в детстве, он жил на этой же улице недалеко от ее дома. Иногда он тайком забирался к ним в сад за инжиром или за грушами или вырезал для удочки длинный трепещущий ствол бамбука. Она, еще совсем маленькая, бегала по саду, раскрасневшаяся, всегда чем-то взволнованная, быстрая. Голосок ее звенел то в одном углу сада, то в другом.

Однажды, играя с подружками в прятки, она забежала в кусты и притаилась совсем рядом с ним, чуть не наступив на него. Он замер, глядя на ее почти прозрачное личико и тонкую, как стебелек, шею. Он видел ее темный глаз, остановившийся, полный восторженного страха. Через мгновение она выбежала из-за кустов и скрылась, топоча крепкими ногами. Иногда она часами качалась на качелях, и он ненавидящими глазами следил за нею, надеясь, что веревка оборвется и она так или иначе вынуждена будет уйти в дом. Но веревка не обрывалась, а качаться ей не надоедало, и он неподвижно лежал в зарослях бамбука или ежевики, чтобы его никто не заметил.

Тогда ему было странно, что в саду доктора никогда не собирали фрукты.

Весной поспевала черешня, наливалась соком, потом постепенно высыхала. Фонарики мушмулы в начале лета начинали зажигаться желтыми огоньками, потом они делались оранжевыми и долго после этого не менялись, надеясь, что их заметят, а потом гасли и тускнели, как незамеченная любовь.

В те времена он часто видел самого доктора. Высокий тонкий человек быстро садился в подъехавшую машину. Жена доктора каждый раз что-то говорила ему из окна, но доктор досадливо махал рукой и уезжал. Было удивительно, что она каждый раз не успевала ему что-то досказать дома. А может быть, высовываясь из окна, она говорила с ним, чтобы даром время не пропадало, пока он усаживается в машину. Если машина не сразу заводилась, она продолжала говорить, и тут уж доктору некуда было деваться.

Улица с уважением следила за отъезжающим доктором.

Доктора могли вызвать в любое время, и он никогда никому не отказывал. У него, говорят, была твердая и точная рука, которая дрожала только в одном случае: когда держала стакан с водкой.

Однажды в детстве он видел, как доктор пил водку, стоя у ларька. Запрокинув стакан и голову, он, казалось, старался как можно быстрее залить что-то такое, что горело внутри него. Рука его сильно дрожала, когда он торопливо вливал в себя водку, и казалось, что она

дрожит от волнения. А когда доктор выпил и, вдруг успокоившись, расплатился и ровными быстрыми шагами пошел в сторону больницы, он тоже успокоился и решил, что струя попала как раз в то место, куда доктор целился.

Как-то раз девочка, забежав в самый глухой уголок сада, застала его на инжировой ветке. Они мгновение смотрели друг на друга. Он сверху вниз, она снизу вверх. Он первым очнулся и грозно приложил палец к губам. Потом быстро слез с дерева, нырнул в кусты, пролез сквозь щель ветхого забора и выскочил на улицу.

День прошел в тоскливом ожидании — думал, придут домой с жалобой. Но никто не пришел.

Через несколько дней он встретил ее на улице с подружкой. Она улыбнулась ему и стала что-то шептать подружке, плутовато поглядывая на него. И каждый раз, встречая ее, он чувствовал по ее улыбке, что она помнит об их тайне и не собирается ее забывать.

Потом он с родителями переехал в другую часть города. Теперь он ее видел очень редко, и все отодвинулось и почти забылось.

В последний раз он увидел ее весной возле школы, где и сам когда-то учился.

Она прошла с подругами мимо него и радостно кивнула ему головой. Девушки пронеслись, обдав его ветерком юности и предчувствием тайны. Через мгновение он услышал за собой дружный смех и, краснея, догадался, что она им рассказала про случай в саду.

Весь этот день он вспоминал ее, ночью долго не спал. Слышал ее быстрый голос, видел жадно-любопытный взгляд и радостную улыбку, как бы идущую из детства. Утром встал с таким чувством, как будто что-то случилось. Несколько дней он нарочно ходил мимо ее школы.

Уже два года после окончания техникума он работал дежурным техником городской электростанции. Чувствовал себя взрослым, особенно после того, как приобрел мотоцикл. Мотоцикл придавал ему какую-то уверенность, даже если он ходил пешком.

Однажды они встретились и разговорились. Он знал, что ее отец умер несколько лет назад. Его отец погиб еще раньше, на фронте. Оказывается, она об этом знала. Когда-то их отцы дружили. Она сказала, что ее маме будет приятно увидеть его, и пригласила его домой.

И вот он первый раз появился на улице, на которой когда-то жил. Почему-то стыдно было проходить по ней. Может быть, потому, что многие его помнили, останавливали, грустно удивлялись, что он так вырос, а главное — понимали, почему он снова здесь появился.

Он думал, что эта неловкость вскоре пройдет, но и потом, появляясь здесь, он чувствовал смущение перед старыми знакомыми.

Женщины, как когда-то в детстве, сидели у ворот и внимательно его оглядывали. В их взглядах он чувствовал то ли осуждение, то ли сожаление, словно он делал что-то неловкое, неестественное и жалкое. Казалось, они говорили ему: «Раз уж ты переехал на другую улицу, где-то там и ищи себе девушку, а сюда возвращаться глупо и бесполезно».

Такое ощущение возникало у него почти каждый раз, когда он приходил к ней. Потом он научился не обращать на него внимания, но ощущение все-таки не проходило. Вернее, проходило после того, как он захлопывал за собой калитку, и Волк, который всегда радовался его приходу, бросался ему навстречу.

За эти годы мать ее немного постарела, но была все еще стройной, подтянутой. Бабушка показалась ему такой же, как и была, только стала плохо слышать. Это была веселая, жизнелюбивая старуха. Она быстро привыкла к нему и стала называть своим женихом. Она часто вспоминала, что в детстве спасала его от какой-то болезни, но никак не могла вспомнить, что это была за болезнь. Она тоже в свое время работала врачом, но теперь была очень стара. Говорили, что она тронулась после смерти сына. Возможно, так оно и было.

Порой ему казалось удивительным, что он в тот же сад теперь входит через калитку. Но еще удивительней было чувство, будто не тогда, а сейчас он делает что-то незаконное.

Мама ее иногда просила его собрать фрукты, и он выходил в сад с Алей или с бабушкой. Влезать на старые знакомые деревья тоже было странно. Казалось, они стали совсем другими.

Старушка часто увязывалась за ним, особенно когда он собирал инжир. Она стояла под деревом и все время просила, чтобы он бросил инжир, и, когда он бросал, она испуганно замирала, растопырив подол. Иногда инжир шлепался рядом, но она его все равно подбирала и отправляла в рот. Она поела инжиры быстрее, чем он успевал их срывать. Она их ела так, как он в детстве.

Когда он приезжал на мотоцикле, девушка выбегала на улицу с сияющими глазами в мальчишеских брюках и лихо усаживалась за ним.

Мать неизменно появлялась в окне, как во времена доктора, и что-то говорила. Наверное, предостерегала от чего-то, но за треском мотора он не слышал слов. Потом он рвал с места, и, выехав на шоссе, они летели за город. Они летели, ломая встречный ветер, в какой-то неподвижности каменеющего восторга.

— Быстрее, быстрее! — выкрикивала она ему в спину, потому что ни разу не падала и еще не знала страха. Иногда после таких поездок они возвращались домой поздно вечером, и он, пьяный от счастья, чертил вокруг ее дома грохочущие круги, не в силах оторваться от своей счастливой орбиты, пока кто-нибудь из соседей не высовывался из окна и не швырял ему вслед беззвучные проклятья.

Они встречались почти каждый день, везде бывали вдвоем, а чаще всего у нее дома. Ее мама встречала его с ровной доброжелательностью, и он не знал, догадывается она или нет о том, что они целуются. Она вела себя так, будто все время хотела сказать: ничего не случилось. Он не знал, хорошо это или плохо. Он был благодарен ей за такт, но все-таки это его тревожило.

С тех пор как они стали встречаться, он заметил, что думать о ней для него стало так же естественно, как думать вообще. Иногда ему казалось, что она ему ближе и понятней, когда ее нет рядом. Но это бывало редко.

Несмотря на все эти мелкие тревоги, он чувствовал в себе какую-то пьяную легкость, и каждый день казался ему тайным праздником, и каждый день он просыпался с таким чувством, какое бывало в школе в начале каникул, когда праздник уже начался, но еще весь впереди. Ложась спать, он иногда боялся, что однажды проснется и этого не будет, но утром, еще не проснувшись, чувствовал, что оно здесь.

Осенью подошло время идти в армию. Он пришел попрощаться с ее родными. Мама ее все так же спокойно и благожелательно выслушала его и просила обязательно заходить, как только он вернется.

— Конечно, — сказал он и почувствовал, что приглашение это его кольнуло, но он не разобрался, почему оно было ему неприятно. Не оставалось времени. Узнав, что он уезжает, бабка отозвала его и попросила в последний раз нарвать ей инжиру. Он залез на дерево и стал бросать ей последние осенние плоды. Они уже переспели и торчали на ветках, обнажив изъеденную птицами кроваво-красную мякоть. Над ними кружились насекомые, и, прежде чем сорвать инжир, ему приходилось отгонять злых полосатых ос. Бабка все так же ловила плоды в подол, потом жадно запихивала их в рот и съедала раньше, чем он успевал сорвать следующий.

— Береги себя, — сказала она, глядя вверх в ожидании очередного инжира. И вдруг добавила: — А то убьют, как моего Павлика.

Так звали ее сына. «Совсем спятила, — подумал он. — Ведь доктор умер дома, его никто не убивал».

— Я готова, — сказала Аля и вышла в сад нарядная, тонкая, праздничная. Вот так она выходила в сад, где он ее ожидал, когда они собирались в гости или в кино. Он быстро слез с дерева.

Она провожала его на вокзал вместе с собакой и выглядела оживленной. Может быть, ей казалось, что разлука — это тоже продолжение любви. Продолжение незнакомое и потому интересное.

Волк выглядел грустным и растерянным. Толпа незнакомых людей на вокзале, музыка, пение, крики — все это сбивало его с толку, и Волк испуганно прижимался к их ногам.

Перед самым отходом поезда многие ребята целовались со своими девушками, и получалось так, что и им надо было поцеловаться на прощание, но они оба не смогли преодолеть неловкости, потому что на людях они никогда не целовались.

Поэтому он облегченно вздохнул, когда поезд тронулся, и, подхватив свой вещмешок, вскочил на подножку. Кто-то взял у него вещмешок и бросил в тамбур, а он стоял на подножке, ухватившись за поручни, и смотрел в ее сторону, стараясь слиться с общей, немного искусственной, нервной раскованностью уезжающих ребят, и, не умея слиться с этим вокзальным весельем, досадовал на себя.

Поезд набирал скорость. Он в последний раз увидел ее в толпе. Ему показалось, что лицо ее опрокидывается. Он чувствовал, что она его все еще видит. На мгновение вокруг нее раздвинулась толпа, и он заметил собаку. Она сидела у ее ног и слепо смотрела вслед уходящему поезду. Он подумал, что собаки всегда так вот, слепо смотрят вдаль, когда стараются разглядеть что-то неразличимое. Почему-то он пожалел, что Волк его уже не видит.

Она ему писала длинные нежные письма. Писала, что они с Волком страшно скучают. Писала, что в городе тоска, нечего делать, и она кое-как готовится поступать в институт.

На следующее лето она уехала в другой город поступать в институт, и он ждал результатов, но она не писала, а потом он получил от нее письмо, когда она уже возвратилась домой. Она ему писала, что пыталась поступить в медицинский институт, куда ее никогда не тянуло, но мама ее уговорила, потому что медицина их фамильное призвание. Она срезалась на химии и теперь вернулась домой, и у нее еще один год пропадает, а ведь могла поступить здесь в педагогический институт, хотя и учительница из нее, наверное, будет никудышная. И наверное, она неудачница и ничего из нее не выйдет, а ему еще целых два года служить.

Потом она стала писать реже, и переписка заглохла, а через несколько месяцев ему написали, что она вышла замуж за молодого врача, приехавшего работать в их город.

Днем еще было ничего. Но по ночам он опять и опять растравлял себя мучительным: почему? Почему так случилось?

И во все время службы он продолжал думать о ней, и боль никуда не уходила, и он злился на нее за это, и все-таки продолжал думать о ней, а иногда боль выплескивалась с такой физической силой, что он ощущал ее, как приступ тошноты.

Так бывало, когда он слышал знакомую музыку, которую когда-то слушал с ней, и она теперь звучала, как тогда, или видел на улице девушку, которая, остановившись под порывом ветра, одной рукой придерживает волосы, а другой — платье, как она когда-то, или мимо проносился мотоцикл, на котором сидели парень с девушкой, как они когда-то, — было множество таких мелких, повторяющихся, мучительных примет.

Однажды в лесу, когда, смертельно усталые после марша, они с ребятами отдыхали в тени большой липы, он услышал, как дерево зашелестело под ветерком точно так же, как во время их прогулки за городом, когда они отдыхали в тени букового дерева, и не успел он удивиться мучительной точности этого сходства, как испуганно свистнула птица и, чиркнув крыльями в листве, улетела куда-то совсем как тогда, и он подумал в следующий миг, что этого не может быть, что он сходит с ума.

Когда раздался голос сержанта, который оборвал это сходство, он медленно пришел в себя и был благодарен сержанту.

Окончился срок службы. С тяжелой, мстительной радостью он думал о том, как они встретятся, как жалко она будет оправдываться и как он раздавит ее холодным, беспощадным презрением. И в то же время он боялся, что не выдержит и выдаст всю боль, и вздра-

гивал от стыда, боясь этой ненужной, позорящей откровенности. Особенно он опасался неожиданной встречи.

Первые дни в родном городе прошли в суматохе встреч, узнаваний, разговоров и дружеских попок. Слава богу, все позабыли, во всяком случае, никто не напоминал о его девушке. День начинался со смутной надежды на встречу, боязнью этой встречи и кончался тоскливой пустотой облегчения.

Однажды на улице он встретил ее маму. Она немного постарела, но все еще хорошо выглядела, то есть оставалась стройной и подтянутой. Она ласково расспросила его о делах, пригласила обязательно заходить, сказала, что все будут очень рады. К своему удивлению, он, подчиняясь тому тону, который она ему легко и прилично навязывала, обещал заходить, хотя про себя решил, что этого никогда не будет.

Он впервые почувствовал что-то глубоко фальшивое в ее стареющем изяществе. Она снова говорила с ним так, будто ничего не случилось, и в этом была какая-то тихая, хорошо отработанная жестокость. Она как бы внушала ему, что между ними ничего не было, нет и не может быть.

А может, так оно и есть? — вдруг почему-то попытался он оправдать ее. Может, в самом деле ничего не случилось для нее и она ничего не понимала? Ну были знакомы, ну приходил...

Но он знал, что это не так, и догадывался, что ему хочется оправдать ее ради будущей встречи. На следующий день он увидел на улице девушку с собакой и почувствовал, как внутри все одеревенело. И хотя сознание с мгновенной радостью отметило, что это не она, мускулы медленно, с опозданием, возвращались из телесного обморока. Придя в себя, он зашел в телефонную будку и позвонил. К телефону подошла бабушка. Потом, шаркая шлепанцами, затихла в другой комнате.

— Аля, тебя, — услышал он далекое. Потом тишина и только мерный стук старинных часов из кабинета ее отца.

И вдруг он вспомнил, как раньше он вслушивался в эту тишину, стараясь услышать что-то такое, что могли от него скрывать, и вспомнил ту давнюю тревогу, от которой он никак не мог избавиться, и тут же с необыкновенной ясностью понял, что все, что случилось, уже тогда было заключено в его тревоге. Это открытие так поразило его, что он забыл про трубку и вздрогнул, когда услышал ее голос.

— Обязательно приходи вечером, — сказала она, — будет много старых друзей.

Ему показалось, что она вытолкнула этих старых друзей, чтобы спрятаться за ними. Разговор был неловким, чувствовалось, что она боится того главного, о чем он и так не в силах был говорить, тем более по телефону.

Дождавшись темноты, он пришел к ним. Мать ему открыла дверь и, все так же ласково улыбаясь, провела в комнату, где сидела бабушка. Та долго не узнавала его, а узнав, начала рассказывать, как лечила его в детстве от тропической лихорадки. Вспомнила наконец.

— Слава богу, что возвратился живой, — сказала она умиротворенно, как будто он был не просто в армии, а на фронте.

Вошла Аля. Он напряженно ждал ее прихода и поэтому не растерялся, а достаточно спокойно с ней поздоровался.

— А ты возмужал, — сказала она, протягивая ему руку, и по ее голосу он понял, что она пытается взять тон матери, может быть, бессознательно ей подражая.

— Надо же было что-то делать, — ответил он и почувствовал неловкость, потому что в его словах прозвучал недоговоренный упрек, словно в самом деле дальше следовало: «...пока ты меня предавала...». Или что-нибудь в этом роде. У него это получилось ненамеренно, и все-таки упрек показался ему постыдным, и он понял окончательно, что никогда не сможет сказать тех мстительных и обидных слов, которые так долго готовил, потому что ударить ее ему было бы больше, чем получить удар.

Когда они остались одни, он спросил у нее:

— А где Волк?

— Он постарел и перестал узнавать своих, — сказала она, нахмурившись, — его застрелили.

Больше он ни о чем не спрашивал. Говорили о разном, осторожно обходя то, что таили оба.

Он вспомнил, что собака больше всего не любила купаться. Бывало, только услышит самое слово, и уже подозрительно настораживается, а если пошли приготовления, забьется куда-нибудь в подвал или в заросли. Ее тащили за ошейник, она сопротивлялась и, симулируя бешенство, хватала за руку, но по-настоящему укусить никогда не решалась.

Мыли в лохани. Волк покачивался и по-детски закрывал глаза от мыла. Иногда он нарочно отряхивался, и она, смеясь, отскакивала и осторожно закатанным рукавом утирала мокрое лицо...

Он глядел на нее, и мгновениями ее лицо делалось до того чужим и незнакомым, что становилось страшно, как бывает во сне, когда видишь близкого человека и вдруг угадываешь в знакомых чертах совсем другие — мертвые, или злобные, или обреченные. Это накатывалось волнами, а потом уходило, и он узнавал ее милое, давно знакомое лицо и в то же время понимал, что вот-вот накатится что-то, как приступ болезни, и ее лицо снова делается чужим и страшным.

Она сказала, что муж на дежурстве и придет попозже. Это было удобно, и он надеялся затеряться среди гостей.

Пришли гости, и было много старых друзей. Веселились, танцевали, пили домашнее вино, закусывали домашними пирогами. Ее мама сидела с шитьем, ласково и ровно всем улыбалась, и он подумал, что за этой ласковостью есть что-то такое, от чего можно повеситься.

Он с удовольствием хмелел, лихорадочно острил. Одним словом, веселился и своим весельем показывал, что осознал в конце концов ту давнюю программу, означавшую, что ничего не случилось и не могло случиться. Возможно, он в этом даже переусердствовал, потому что после одной из его шуток мама посмотрела на него укоризненно, хотя и по-прежнему ласково. Она слегка покачала головой, и он это понял так: нельзя слишком показывать, что ничего не случилось, потому что могут заподозрить, что все-таки что-то случилось.

Он притих, а она снова склонилась над шитьем, продолжая ласково улыбаться.

Он все время танцевал с одной из ее новых подруг, держался за нее, как за спасательный круг. Девушка охотно кокетничала с ним. Аля шуточно грозилась им пальцем. Они смеялись, но он чувствовал, что ей и в самом деле неприятно, и это было странно после всего, что случилось.

Он вдруг вспомнил, как однажды, в начале их знакомства, во время танца на вечеринке внезапно погас свет.

Сначала он ждал, что свет вот-вот зажжется и они будут продолжать танец, но свет не зажегся, и он понял, что и ей не хочется убирать свою руку, и это навсегда заменило им признание.

А потом зажегся свет, и все увидели, что они все еще стоят в той же позе, и все весело рассмеялись, и они тоже рассмеялись, и это был самый легкий, самый счастливый смех в его жизни. Тогда он думал: в их жизни.

Танцуя с ее подружкой, он улыбался и каким-то внешним слухом слышал ее и в то же время слушал, как внутри его все время звучит то, что она сказала о собаке. Слова эти каким-то образом сливались с мелодией каждой пластинки, то вытягиваясь в ритме, то сжимаясь, чтоб уместиться в музыкальной фразе, но каждый раз с кошмарной назойливостью вплетались в мелодию и звучали, пока она не кончалась: «Перестал узнавать своих, и его застрелили, перестал узнавать своих, и его застрелили, перестал узнавать своих...»

После одного из танцев он неожиданно вслух сказал:

— Перестал узнавать своих, и его застрелили...

Девушка ничего не поняла, но рассердилась и отказалась с ним танцевать. Он подумал, что она права.

Вскоре пришел Алин муж, высокий спортивный парень в очках. Он крепко и со значением пожал ему руку, как бы говоря: «Я все понимаю, мужайся, братец». Это была излишняя мера, и он помрачнел и замкнулся, но никакой враждебности к нему не почувствовал.

Видно было, что муж ее привык к шумным сборищам и ему нравится вся эта суматоха.

Он рассказывал, по-видимому, что-то смешное, потому что вокруг смеялись и Аля громче всех, может быть, благодарно, а может быть, чтобы что-то заглушить в себе. Глаза у нее блестели.

Он не слышал его рассказа, но, задумавшись, следил за его руками. В какое-то мгновение ему показалось, что голос и руки молодого хозяина принадлежат разным людям.

Голос развлекал, а руки взрезывали пирог, придвигали сахарницу, делали свое дело и шутить не собирались. Рука подцепила ножом ломтик лимона и ловко, как блин, шлепнула его в стакан с чаем. Потом рука опрокинула ложку с сахаром, но не просто в стакан, а на лимон. Под тяжестью сахара лимон пошел ко дну, но на полпути перевернулся и выплыл.

«Хочет утопить», — подумал он и стал следить, что будет дальше. Рука высыпала еще одну ложку на лимон, стараясь, чтобы горка сахара пришлась на середину, и как будто достигла цели, но упрямый ломтик, не доходя до дна, сбросил свою сладкую ношу и весело вынырнул. Ему показалось, что голос рассказчика дрогнул. Третья ложка сахару посыпалась на лимон, стараясь заполнить всю поверхность лимона. Но и новый прием не помог. Часть сахара растаяла сразу же, оставшаяся — во время погружения. На этот раз лимон вынырнул, даже не перевернувшись.

Тогда хозяин проткнул лимон ложкой и помешал в стакане.

«Зачем мне все это?» — подумал он и, забывшись, с такой тоской посмотрел на нее, что муж метнул из-под очков тревожный и быстрый, как холодная молния, взгляд, будто что-то перерезал.

Назад шли через сад. Стояла ясная осенняя ночь, луна озаряла поредевшие листья. Возле инжира высилась лестница-стремянка. Собачья конура осталась на месте. Она была похожа на игрушечный домик, какие бывают в детских парках, и только черный круг входной дыры напоминал об ее истинном назначении.

Молодые хозяева провожали гостей до калитки. Прощаясь, обещали видеться, но он знал, что теперь этого не будет.

Она озябла и погрустнела, и, как всегда бывало в таких случаях, глаза ее немного закосили. Муж попробовал накинуть ей на плечи пиджак, но она отказалась, и он почувствовал, что она это сделала из-за него, хотя ему это теперь было не нужно.

Когда за ними захлопнулась калитка, он подумал, что ему вообще не стоило возвращаться на эту улицу и входить в сад через калитку, раз уж в детстве он входил в него через тайный лаз. Он распрощался со всей компанией и пошел один.

Впервые он думал о себе отдельно от нее. Это было как возвращаться в пустую комнату после последних проводов. Оставалось кое-что прибрать и начинать жить сначала. Он закурил и пошел домой, срезая переулок проходным двором, потому что хорошо еще помнил эти места.